

Свет за краем палочки

ТОМ ВТОРОЙ

— — —
WKPВ

WKPВ

Свет за краем палочки. Том второй

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73503828

SelfPub; 2026

Аннотация

Салли Вайтмейн вырвалась из Зазеркалья, обрета плоть. Теперь они с Гарри – не пленники одного тела, а напарники. Но мир откладывается: древнее зло, дремавшее под Хогвартсом, просыпается, сводя студентов с ума. Чтобы спасти школу, им придется спуститься на дно Черного озера. Там, в ледяной тьме, Инквизитор и Аврор узнают, на что они действительно готовы ради друг друга.

Содержание

Глава 1. Министр приходит к завтраку	4
Глава 2. Шрамы, которые не ноют	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

WКРВ

Свет за краем палочки. Том второй

Глава 1. Министр приходит к завтраку

Мир взорвался алым и золотым.

Гарри едва успел пригнуться, пропуская над головой сгусток теневой магии, который с шипением врезался в контейнер за его спиной, превращая сталь в ржавую труху.

– Депрессо! – рявкнул он, отправляя в полет одного из культистов, чье лицо уже начало мутировать в щупальца.

Но он не смотрел на врага. Он смотрел на неё.

Салли Вайтмейн не бежала. Она летела над полем боя, едва касаясь грязного бетона носками своих высоких ботфуртов.

Драко не просто «разорился». Он, похоже, продал душу гоблинам или ограбил сокровищницу Лестрейнджей, чтобы создать это облачение.

Ткань – алая, плотная, с характерным переливом чешуи (драконья кожа высшей выделки, окрашенная алхимиче-

ским способом) – облегла её тело как вторая кожа, но не сковывала ни единого движения. Высокие разрезы на бедрах, открытая спина, сложная геометрия корсета – всё это выглядело вызывающе, но сейчас, в бою, Гарри видел суть: это была идеальная терморегуляция и абсолютная свобода для ног.

Она была «стеклянной пушкой». Смертоносной, быстрой, незащищенной ничем, кроме собственной скорости и веры.

– Встань, мой чемпион! – её смех, звонкий, с нотками безумного веселья, перекрыл грохот заклинаний.

Салли крутанулась на месте. Подол её одеяния взметнулся алым веером.

В её руках плясал Посох. Древко из черного железа, увенчанное сложной конструкцией из золота, в центре которой горел Рубин размером с кулак. Еще восемь камней поменьше, расположенных вдоль древка, пульсировали в ритме её сердца.

Она ударила наверху посоха в грудь огромного, раздутого монстра Бездны.

Вспышка.

Это был не луч. Это был направленный термоядерный взрыв в миниатюре. Монстра просто стерло. Его плоть испарилась, не успев даже обуглиться.

Но твари были хитрыми. Трое «теней» скользнули по полу, пытаясь зайти ей за спину, туда, где не было брони.

– Сзади! – крикнул Гарри.

Он не стал тратить время на щит. Он знал: Салли не будет стоять и ждать удара.

Гарри вскинул свою левую руку. Она выглядела абсолютно нормально – кожа, ногти, линии жизни. Но когда он сжал кулак, воздух вокруг задрожал. Он ударил Ступефаем, усиленным той самой связью, что осталась между ними.

Заклинание сбilo одну из тварей в прыжке.

С двумя другими разобралась сама Салли.

Она не обернулась. Она просто выгнулась назад мостиком – с нечеловеческой гибкостью, – пропуская когти монстра в миллиметре от своего живота. И, находясь в этой невозможной позе, ударила посохом снизу вверх.

Острые нижней части посоха (тоже увенчанное рубином) пробilo подбородок твари и вышло через затылок.

– Ха-ха-ха! – она выпрямилась рывком, используя инерцию удара, и тут же послала сгусток света в третьего врага. – Очищение огнем!

Гарри почувствовал жгучую боль в плече – шальное проклятие задело его.

– Да что ж ты будешь делать...

Салли увидела это.

Она не бросилась к нему бинтовать раны. Это было не в её стиле.

Она развернулась к самой крупной группе врагов. Её глаза, фиолетовые, горящие фанатизмом, сузились.

Рубины на её костюме – три огромных камня на груди и

поясе – вспыхнули так ярко, что в полумраке склада стало светло как днем.

– Покайтесь!

Она ударила потоком света по врагам.

И в тот же миг Гарри почувствовал, как его плечо перестает болеть.

Её магия работала по принципу сообщающихся сосудов: чем больше боли она причиняла врагам, тем больше жизни вливалось в её союзников.

Он ощутил тепло, бегущее по венам, затягивающее рану мгновенно. Это было пьянящее чувство – смесь адреналина и чужой ярости, превращенной в исцеление.

– Спасибо! – крикнул он, перекатываясь за укрытие и посылая серию взрывных заклинаний.

– Не благодари! Просто не умирай! – крикнула она в ответ, танцуя между щупальцами очередного чудовища. – Мне нечем тебя заменить, Поттер!

Она была великолепна. Она была ужасна.

Она двигалась так быстро, что глаз едва улавливал её перемещения. Алое пятно, оставляющее за собой шлейф из золотых искр.

В этот момент Гарри понял: те месяцы, что она сидела в его голове, она сдерживалась. Она была заперта в теле «заморыша». Теперь она дорвалась до своего тела, до своей пластики, до своей силы.

И она наслаждалась каждой секундой этой бойни.

Последний монстр – гуманоид, полностью состоящий из черной слизи – попытался сбежать через вентиляцию.

Салли вскинула руку.

– Никто не уйдет!

Рубины резонировали. С посоха сорвался луч «Инквизиции» – не мгновенный удар, а непрерывный поток, который связал монстра, поднял его в воздух и начал медленно, методично выжигать.

Тварь визжала.

Салли смеялась, удерживая поток одной рукой, а другой поправляя сбившуюся прядь белоснежных волос.

Когда всё закончилось, склад погрузился в тишину, нарушаемую лишь треском остывающего бетона и тяжелым дыханием двух людей.

Гарри вышел из-за укрытия. Его пальто было порвано, лицо в копоты.

Салли стояла посреди выжженного круга. На её алом наряде не было ни пятнышка грязи – магия Света отталкивала скверну.

Она тяжело дышала, грудь высоко вздымалась. Пот блеснул на её шее и в ложбинке груди, делая кожу еще более бледной и сияющей.

Она повернулась к Гарри. В её глазах все еще плясали отсветы битвы.

– Живой? – спросила она, опираясь на посох как на трость.

– Благодаря тебе, – Гарри подошел ближе. Он посмотрел на её руку, сжимающую древко. Костяшки побелели. Она устала. Этот танец требовал колоссальных затрат. – Ты как?

– Я? – Салли улыбнулась. Это была не добрая улыбка. Это была улыбка хищника, который только что сытно поел. – Я чувствую себя... полной.

Она шагнула к нему, цокая каблуками по бетону. Подошла вплотную, нарушая личное пространство, как делала это всегда, даже когда у неё не было тела.

От неё пахло озоном, дорогими духами (еще один подарок Драко?) и спортом.

– Мы неплохо справляемся, Гарри, – она провела свободным пальцем по лацкану его пальто, прямо над сердцем. – Для двух калек.

Гарри перехватил её руку. Его ладонь – теплая, живая, нормальная – сжала её пальцы в перчатке.

– Мы не калеки, Салли. Мы – самое опасное, что случилось с этим городом.

Она хмыкнула, но руку не отдернула.

– Трансгрессируем? Я хочу в душ. И если ты снова будешь думать о том, как вода стекает по моей спине... – она наклонилась к его уху, и её шепот обжег кожу. – ...то имей смелость сказать это вслух, а не краснеть мысленно. Я больше не читаю твои мысли, Поттер, но я читаю твои глаза.

Гарри замер. Воздух между ними, казалось, наэлектризовался сильнее, чем во время боя.

– Договорились, – хрипло ответил он.

Салли отстранилась, довольная произведенным эффектом, и протянула ему руку для аппарации.

– Домой, Гарри. У нас закончилась корица.

Хлопок трансгрессии выбросил их в прихожей дома на Гриммо.

Дом встретил их привычным скрипом половиц. Кикимер (или то, что от него осталось в памяти дома) давно перестал ворчать на «грязнокровку» Салли, признав в ней хозяйку, которая может испепелить взглядом.

Салли первым делом сбросила ботфорты.

– О, СВЕТ! – простонала она, шевеля пальцами ног в красных чулках. – Каблуки – это изобретение демонов Пылающего Легиона. Почему Драко решил, что я должна сражаться на шпильках?

– Потому что он эстет, а ты не стала спорить, – Гарри повесил пальто на вешалку. Он чувствовал, как адреналин отступает, сменяясь усталостью. Плечо, которое Салли вылечила в бою, теперь просто ныло фантомной памятью о боли.

Салли прислонила Посох к стене. Рубины на нем медленно гасли, переходя в спящий режим.

Она расстегнула крепления корсета. Щелк. Щелк.

Гарри отвернулся, направляясь на кухню.

– Я сделаю чай. Корицы нет, но есть имбирь.

– Гарри, – позвала она.

Он остановился, не оборачиваясь.

– Да?

– Повернись.

Он медленно повернулся.

Салли стояла посреди коридора. Корсет был ослаблен, открывая чуть больше, чем следовало. Но в её позе не было соблазна. Была усталость и... просьба.

– Помоги с застёжкой на спине. Магия замкнула. Драко перемудрил с чарами защиты.

Гарри подошел к ней. Он встал за её спиной.

Его руки слегка дрожали. Не от страха. От близости.

Он помнил это тело изнутри. Он знал каждую косточку, каждый шрам. Но касаться её снаружи... это было другое.

Он нащупал сложную застёжку из драконьей кости между лопатками.

– Замри.

Салли стояла смирно, убрав волосы на одно плечо. Её шея была открыта – бледная, тонкая, незащищенная.

Гарри возился с замком. Его пальцы случайно коснулись её кожи. Она вздрогнула, но не отстранилась.

– Ты помнишь? – тихо спросила она. – Когда мы были одним целым... ты принимал душ. И я сказала тебе, что у тебя красивый шрам на ключице.

– Я помню, что ты сказала: «Этот шрам похож на руну Кель'Таласа», – поправил Гарри, наконец справляясь с механизмом. Застёжка щелкнула.

– Я соврала, – она опустила плечи, и тяжелая ткань мантии ослабла. – Я просто хотела сделать тебе комплимент, но не знала как. У меня... мало опыта в комплиментах, Гарри. Обычно я либо приказываю, либо казню.

Она повернула голову, глядя на него через плечо.

– Мы странные, да? Мы знаем друг о друге всё, но ведем себя как школьники на первом свидании.

– Мы не школьники, – Гарри убрал руки, но не отошел. – Мы ветераны, Салли. У нас просто... контузия чувств.

Она хмыкнула и, придерживая мантию на груди, развернулась к нему лицом.

– Я иду в душ, – сказала она. – И я оставлю дверь незапертой. Не потому что приглашаю. А потому что я до сих пор боюсь закрытых пространств. Боюсь, что если закрою замок, то снова окажусь в зеркале.

– Я буду здесь, – твердо сказал Гарри. – На кухне. Я буду греметь чашками, чтобы ты знала, что я рядом.

Она посмотрела на него долгим, нечитаемым взглядом своих фиолетовых глаз.

– Спасибо, Гарри. За то, что ты... такой. Ненормально нормальный.

Она ушла вверх по лестнице, оставляя за собой шлейф аромата битвы и духов.

Гарри остался стоять в коридоре, слушая, как наверху шумит вода.

Он посмотрел на свою левую руку. Она была обычной. Ро-

зовой. Теплой.

Но он помнил, как она была алмазной. И он помнил, как эта рука вытащила Салли из ада.

– Как Гарри встретил Салли, – пробормотал он себе под нос, усмехнувшись. – Если бы в том фильме были демоны и рубины по цене особняка, это было бы про нас.

Он пошел на кухню, чтобы громко греметь чашками и заваривать самый крепкий имбирный чай в Лондоне. Потому что это было единственное, что он мог сейчас сделать для женщины, которая только что спасла ему жизнь, смеясь в лицо бездне.

Душ смыл копоть и кровь, но не смог смыть напряжение. Салли спустилась в гостиную через полчаса. Она была бо-сой, в широких серых штанах на завязках и старой футболке Гарри с эмблемой «Пушек Педдл», которая теперь казалась её официальной домашней униформой. Влажные волосы она замотала в полотенце, соорудив на голове нечто, напоминающее тюрбан.

Гарри сидел на диване перед странным предметом, который выглядел как черный алтарь.

Это был телевизор. Старый, пузатый ЭЛТ-ящик, который Артур Уизли когда-то конфисковал у маглов, а Гермиона и Драко (невероятный союз науки и денег) доработали рунами, чтобы магический фон дома не взорвал кинескоп.

– Что это? – Салли остановилась в дверях, подозрительно

шурясь. – Оно гудит. Это устройство для пыток? Или контейнер для духа?

– Это телевизор, – Гарри похлопал по дивану рядом с собой. – Магловское изобретение. Оно показывает картинки. Новости, истории. Отец моего друга называет это «эквивизор», но это просто телик.

Салли осторожно обошла «алтарь» по дуге, не сводя с темного экрана глаз.

– В Азероте гномы делали что-то похожее, – заметила она. – Но они обычно взрывались, отрывая зрителям головы. Этот безопасен?

– Гермiona поклялась, что да. Садись. Я заказал пиццу.

– Пиццу? – Салли села на край дивана, соблюдая дистанцию в полметра. – Это та лепешка с сыром, которую едят руками? Варварство.

– Тебе понравится. Там двойная порция пепперони.

Гарри взял пульт. Он чувствовал себя странно. В школе он мечтал о таких вечерах – просто сидеть, смотреть кино, ни от кого не бегать. Но он представлял рядом Джинни или Чжоу. А сейчас рядом сидела Верховный Инквизитор, которая пахла его гелем для душа и смотрела на пульт как на детонатор.

Он нажал кнопку.

Экран вспыхнул статическим электричеством, потом появилась картинка. Черно-белая. Гарри выбрал классику. «Римские каникулы». Ему казалось, что показывать Салли

современные новости с войнами и катастрофами – плохая идея. Ей хватало своей войны.

На экране Одри Хепберн, юная и прекрасная, сбегала из дворца.

Салли вздрогнула, когда звук заполнил комнату. Она инстинктивно вскинула руку, готовясь создать щит, но Гарри мягко перехватил её запястье.

– Тише. Это запись. Это было давно. Они не видят нас.

Она медленно опустила руку, но её мышцы остались напряженными.

– Это... иллюзия? – спросила она, глядя, как принцесса Анна гуляет по Риму.

– Вроде того. Это история. Сказка, которую люди записали, чтобы пересматривать.

Принесли пиццу. Гарри сходил к двери (Салли напряглась, услышав чужой голос курьера, но осталась сидеть), вернулся с плоскими коробками.

Он открыл одну. Запах расплавленного сыра, салями и орегано наполнил мрачную гостиную Блэков, изгоняя запах вековой пыли.

Салли взяла кусок двумя пальцами, брезгливо и осторожно. Откусила.

Её брови поползли вверх.

– О, – только и сказала она. И откусила снова, уже смелее. – Это... эффективно. Много калорий в компактной форме. Идеально для похода.

Они ели и смотрели.

Салли оказалась внимательным зрителем. Она не задавала глупых вопросов про «как человечки туда попали». Она следила за сюжетом с тактической точки зрения.

– Она глупая, – прокомментировала Салли, когда героиня Хепберн уснула на скамейке. – Принцесса, сбежавшая без охраны? В моем мире её бы похитили, потребовали выкуп или использовали как политический рычаг давления на Альянс. А этот мужчина... журналист? Он явно шпион.

– Он просто влюбился, – возразил Гарри, улыбаясь. – Не везде ищут выгоду, Салли. Иногда люди просто... живут.

– Влюбился, – она повторила это слово, пробуя его на вкус, как пищу.

Она отложила корку (единственное, что осталось от трех кусков) и вытерла руки салфеткой. Потом посмотрела на Гарри.

– Расскажи мне.

– О чем?

– О том, как это бывает. У вас. У нормальных людей.

Гарри замялся. На экране Грегори Пек катал Одри на мопеде.

– Ну... люди встречаются. Ходят в кино. В кафе. Говорят о погоде, о работе. Держатся за руки.

– И ты это делал? – её взгляд был прямым, хирургическим.

– Пытался, – Гарри вздохнул, глядя на экран, а не на неё. –

С Чжоу это было... мокро. Она много плакала. С Джинни... с Джинни было хорошо. Легко. Мы летали на метлах, смеялись. Но я всегда чувствовал, что приношу ей темноту. Я был заминирован войной, Салли. А она хотела жить в мире.

Салли молчала, обдумывая его слова.

– У меня никогда этого не было, – сказала она вдруг. Тихо, без драмы. Просто констатация факта. – Меня забрали в Монастырь ребенком. Моей семьей стал Орден. Моими свиданиями были допросы и тренировки. Моим первым мужчиной должен был стать Свет.

Она подтянула колени к подбородку, обхватив их руками.

– Я знаю анатомию, Гарри. Я знаю, как работает тело. Я видела страсть... в основном, когда допрашивала любовников, которые пытались защитить друг друга. Но я никогда не понимала, зачем люди добровольно отдают кому-то власть над собой. Это же... уязвимость. Слабое место в броне.

Гарри посмотрел на неё. Сейчас, без алой брони, в его футболке, с тюрбаном на голове, она выглядела самой уязвимой женщиной на свете. И самой сильной.

– Это не слабость, – сказал он. – Это то, ради чего нужна броня. Чтобы было что защищать внутри.

Салли повернула голову. Их лица оказались близко.

– Ты странный, Гарри Поттер. Ты убил василиска в одиннадцать лет, но боишься положить руку мне на плечо, хотя мы сидим на одном диване.

Гарри усмехнулся.

– Я не боюсь. Просто... ты Верховный Инквизитор. Я боюсь, что если я сделаю что-то не так, ты сожжешь меня взглядом. Привычка.

– Я больше не читаю мысли, – напомнила она. – И я сыта пищей. Я добрая.

Она медленно, давая ему время отстраниться, положила голову ему на плечо.

Гарри замер на секунду, а потом расслабился. Он поднял руку и обнял её, прижимая к себе.

Она была теплой. Живой. Её волосы пахли сыростью и тем самым яблочным шампунем.

Они сидели так, глядя на черно-белый Рим.

Для Гарри это было... странно. Не так, как с Джинни. С Джинни было уютно. С Салли было ощущение, что он обнимает дремлющий вулкан. Но этот вулкан решил не извергаться сегодня вечером, а просто погреть его.

– Гарри? – пробормотала она ему в плечо спустя время.

– М?

– Этот журналист. Он ведь не сдаст её королю? Он оставит её секрет себе?

– Да. Он поступит благородно.

– Глупо, – вздохнула она, устраиваясь удобнее. – Но... красиво. Мне нравится этот ящик, Гарри. Он показывает мир, где честь важнее долга.

Она закрыла глаза. Дыхание её выровнялось.

Гарри осторожно дотянулся до пульта и убавил звук.

Он сидел в темноте гостиной Блэков, одной рукой обнимая женщину из другого мира, а другой держа кусок остывшей пиццы. И впервые за много лет он чувствовал, что находится именно там, где должен быть.

В углу комнаты, на стене, тень Гарри сидела смирно. А тень Салли, опираясь на призрачный посох, казалось, тоже смотрела телевизор, иногда кивая головой в такт диалогам.

– Спокойной ночи, Салли, – прошептал Гарри в её макушку.

– Arise... – сонно пробормотала она на латыни или всеобщем, уже проваливаясь в сон без кошмаров. – Завтра... мы купим... еще корицы...

Утро на площади Гриммо началось с запаха оладий. Салли, которая вчера открыла для себя концепцию «углеводного комфорта», с интересом наблюдала, как тесто пузырится на сковородке. Она сидела на высоком барном стуле, подтянув колени к груди, одетая в растянутый свитер Гарри. На столе перед ней уже стояла чашка кофе. С корицей.

– Магия, – констатировала она, глядя, как Гарри переворачивает оладью взмахом палочки. – В моем мире маги тратят годы, чтобы научиться призывать метеоритный дождь. А ты используешь аркану, чтобы перевернуть кусок теста.

– Это называется бытовая магия, – улыбнулся Гарри. – И, по-моему, это полезнее метеоритов. Метеоритом не позавтракаешь.

Внезапно пламя в камине гостиной вспыхнуло изумрудным. Не обычным, «транспортным», а густым, официальным огнем правительственной связи.

Салли мгновенно напряглась. Её рука дернулась в пустоту, туда, где должен быть посох (который остался в прихожей).

Из камина вышел Кингсли Шеклболт.

Он был не в мантии. На нем был строгий магловский костюм темно-синего цвета и длинное пальто. Его лысая голова блестела в свете люстры, а в ухе покачивалась золотая серьга.

Он выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, но осанка оставалась прямой, как стержень.

– Доброе утро, – его глубокий бас заполнил кухню, заглушая шкворчание масла. – Надеюсь, я не помешал семейной идиллии?

– Министр, – Салли не слезла со стула, но её поза изменилась. Из расслабленной кошки она превратилась в сфинкса. – Вы не стучите.

– Времена такие, мисс Вайтмейн, что стук в дверь может заглушить звук взрыва, – Кингсли подошел к столу. – Гарри, угостишь кофе?

– Конечно, – Гарри взмахнул палочкой, и третья чашка подлетела к чайнику. – Садись, Кингсли. Ты здесь официально?

– Я здесь приватно. Как старый друг твоего отца и твой командир, – Кингсли сел напротив Салли. Стул под ним жа-

лобно скрипнул.

Он посмотрел на неё. Долго, изучающе. Не как на женщину, а как на явление природы.

– В Министерстве хаос, – начал он без предисловий. – Отдел Тайн оцепил район вокруг «Tenebris». Харон молчит, но его аура... она фонит так, что у дознавателей идет кровь из ушей. А ты, Салли... твои показатели в момент выхода из зеркала заставили наши детекторы магии в Лондоне показать погоду на Марсе.

– Я извинилась бы, но не буду, – спокойно ответила Салли, делая глоток кофе. – Я выживала.

– Я не жду извинений. Я жду объяснений. Не механики – Грейнджер мне уже все уши прожужжала про «твердый свет» и «квантовую душу». Мне нужна философия, – Кингсли подался вперед. – Твоя магия, Салли. Она... другая. Мы называем «Светлой магией» защиту, патронусов, исцеление. Но твой Свет... он жжется. Он карает. Он пахнет фанатизмом.

Салли поставила чашку. Звон фарфора прозвучал как выстрел.

– В моем мире, Министр, Свет – это не «добро». Свет – это Порядок. Это Истина. А Истина часто бывает болезненной. Огонь, который прижигает рану, причиняет боль, но он спасает от гангрены. Я – этот огонь.

– И кто решает, где гангрена, а где здоровая плоть? – тихо спросил Кингсли.

– Я, – просто ответила она. – Тот, у кого есть воля взять на себя этот грех. Вы боитесь меня, Кингсли?

– Я опасаясь любого оружия, у которого есть собственное мнение, – парировал Шеклболт. – Гарри я знаю. У него комплекс спасителя, но его моральный компас всегда указывает на «не убий, если можешь». А твой компас, Салли, кажется, сломан. Или настроен на другой полюс.

Гарри поставил тарелку с оладьями на стол. Громче, чем следовало.

– Кингсли, она спасла мне жизнь. Неоднократно. Она вытащила Джинни, пока я бегал призраком. Она сражалась с Шоготом в доках, защищая маглов, о которых даже не знала.

– Я знаю, Гарри, – Кингсли перевел взгляд на него. – Я не обвиняю. Я анализирую. Потому что то, с чем мы столкнулись... старые методы не сработают.

Кингсли достал из кармана пальто небольшую черную папку. Он положил её на стол, но не открыл.

– Пятьдесят лет назад, когда пропала та группа из Отдела Тайн, я был стажером. Я помню шепот в коридорах. Они искали не просто знания. Они искали источник магии. И они нашли доказательства того, что наш мир... он как остров в океане. А в океане плавают вещи, которые считают нас планктоном.

– Бездна, – кивнула Салли. – Я знаю этот запах. Он сладкий и гнилой.

– Мы называли это «Серой Гнилью», – продолжил Кинг-

сли. – Мы думали, что запечатали все проходы. Но Харон доказал, что мы ошибались. Он не просто безумец, Салли. Он – пророк.

Кингсли открыл папку. Там была одна фотография. Старая, черно-белая, двигающаяся.

На ней был изображен человек, стоящий на трибуне перед толпой. Лица не было видно – оно было засвечено вспышкой. Но на лацкане его пиджака был значок.

Спираль.

Такая же, как шрам на руке Гарри. Такая же, как символ на медальоне.

– Это фото 1940 года, – сказал Кингсли. – Гриндевальд использовал этот символ. Волдеморт интересовался им, но боялся. Этот знак старше Хогвартса. Это знак тех, кто верит, что магия – это не дар, а кража. Что мы украли силу у Богов, и Боги хотят её вернуть.

– Культ, – поморщилась Салли. – Сумеречный Молот. В каждом мире есть идиоты, которые хотят разбудить спящее чудовище, надеясь, что их съедят последними.

– Именно, – Кингсли накрыл фото ладонью. – И теперь самое важное, зачем я пришел. Гарри, Салли. Министерство не может вести эту войну официально. Если я объявлю, что под Лондоном спят Древние Боги, начнется паника, которая убьет больше людей, чем сами Боги. Мне нужна теневая группа. Группа, которой не существует.

Он посмотрел на Салли.

– У тебя нет документов в этом мире. Ты призрак. Тебя нет в базах данных.

Он посмотрел на Гарри.

– А ты – герой, который официально находится в «творческом отпуске» по состоянию здоровья.

– Вы хотите сделать нас наемниками? – усмехнулся Гарри.

– Я хочу сделать вас Инквизицией, – жестко сказал Кингсли, глядя прямо в глаза Салли. – Да, я произнес это слово. Мне не нужны авроры, которые читают права монстрам. Мне нужны чистильщики. Салли, ты сказала, что ты – огонь, прижигающий рану. Хорошо. Я даю тебе скальпель. И я даю тебе лицензию на этот огонь.

Салли медленно откусила кусочек оладьи, не сводя глаз с Министра.

– Вы предлагаете мне делать то, что я умею лучше всего? Охотиться на еретиков и нечисть, не оглядываясь на бюрократию?

– В разумных пределах, – уточнил Кингсли. – Гарри будет твоим... предохранителем. Его совесть – твой поводок. Если он скажет «стоп» – ты остановишься. Это условие.

Салли перевела взгляд на Гарри.

В её глазах плясали бесенята.

– Поводок? – переспросила она с иронией. – Гарри, ты слышал? Министр хочет, чтобы ты держал меня на поводке.

– Я думаю, Кингсли имел в виду «моральный ориентир», – поправил Гарри, чувствуя, как краснеют уши.

– Называйте как хотите, – Кингсли встал. Он казался огромным в этой маленькой кухне. – Но Дирижер был лишь пальцем. Рука все еще тянется к нам. И эта Рука находится не в Лютном переулке. Следы ведут... в Хогвартс.

– В Хогвартс? – Гарри вскочил.

– Там новый директор, – уклончиво сказал Кингсли. – И странные вещи происходят в Запретном Лесу. Кентавры ушли. Акромантулы мигрировали. Что-то вытесняет их. Что-то, что не оставляет следов, но оставляет тишину.

Кингсли поправил пальто.

– Я оформил вам доступ. Официально вы – независимые консультанты по безопасности. Неофициально – найдите это и убейте. До того, как начнется новый учебный год.

Он направился к камину, но у самой решетки остановился и обернулся к Салли.

– И, мисс Вайтмейн... Добро пожаловать в Англию. Попробуйте чай с бергамотом. Он успокаивает нервы после сожжения еретиков.

Зеленое пламя взметнулось, и Министр исчез.

В кухне повисла тишина.

Салли доела оладью, облизала палец (Гарри старался не смотреть на это слишком пристально) и задумчиво произнесла:

– Мне он нравится. Умный. Жестокий. Прагматичный. В моем мире он мог бы стать Верховным Лордом.

– Он хороший человек, – сказал Гарри, садясь обратно. –

Просто у него тяжелая работа.

– Хогвартс... – Салли покатила это слово на языке. – Ты много о нем думал. Это твой дом. Твоя крепость.

– Да. И если там завелась Бездна... мы вычистим её.

– Мы вычистим, – эхом отозвалась она, и её глаза на секунду вспыхнули фиолетовым. – Значит, мы снова в игре, Поттер. Нам нужны припасы. И мне нужно больше одежды. Драко придется раскошелиться.

– Я думаю, он будет только рад одеть тебя как куклу-убийцу, – вздохнул Гарри, наливая себе остывший кофе.

– Гарри?

– Что?

Салли протянула руку через стол и коснулась его запястья.

– Спасибо, что защитил меня перед ним. «Моральный ориентир». Звучит красиво.

– Я просто сказал правду.

– Я знаю, – она улыбнулась, и эта улыбка была мягкой, домашней, с запахом корицы. – А теперь ешь. Нам нужны силы. Охота на чудовищ в школе волшебства – это звучит как план на выходные.

Глава 2. Шрамы, которые не ноют

Сборы в Хогвартс напоминали военную операцию, скрепленную с переездом библиотеки. Гостиная на площади Гриммо была завалена чемоданами, коробками с артефактами и стопками книг, которые Гермиона сочла «критически необходимыми».

Гарри стоял у стола, пытаясь утрамбовать в саквояж с заклиниванием незримого расширения свой старый аврорский комплект зелий.

Салли вошла в комнату неслышно. Она уже переоделась в «походное»: узкие брюки, высокие сапоги и белая блуза с жестким воротником. Поверх она накинула темно-бордовый жилет, который подчеркивал талию, но выглядел строго.

Она наблюдала за ним минуту. За тем, как он хмурится, пытаясь застегнуть замок. Как дергается его плечо. Как он привычно, механически одергивает рукав правой руки, скрывая кисть.

– Дай мне, – тихо сказала она, подходя.

Гарри вздрогнул.

– Я сам. Это просто старый замок, он заедает.

– Дело не в замке, – Салли мягко отвела его руки. Её пальцы были прохладными и уверенными. Одним точным движением она защелкнула саквояж. – Дело в том, что ты нервничаешь. Ты возвращаешься в школу не как ученик и не как

герой. А как охотник.

Она не отошла, сделав дело. Она осталась стоять вплотную к нему.

Её взгляд скользнул по его правой руке. Рукав рубашки немного задрался, и на тыльной стороне ладони проступили белые, неровные буквы. Шрам, который не загорал и не исчезал.

«Я не должен лгать».

Салли перехватила его руку прежде, чем он успел спрятать её в карман.

– Что это? – её голос стал ледяным. Не злым на него, а злым за него.

– Старая история, – Гарри попытался вырвать руку, но Салли держала крепко. – Пятый курс. Одна... учительница. Долорес Амбридж. Она любила наказания. Черное перо, которое пишет кровью пишущего.

Салли провела большим пальцем по буквам. Её прикосновение было невесомым, почти ласковым, что создавало жуткий контраст с текстом шрама.

– «Я не должен лгать», – прочитала она. – Какая пошлость. Пытать ребенка правдой? Это не инквизиция, Гарри. Это садизм бюрократа.

Она подняла на него глаза.

– Ты жил у магловских родственников, верно? Дурсли. Я видела их в твоей памяти. Чулан под лестницей. Решетки на окнах.

– Они были... не самыми приятными людьми, – уклончиво ответил Гарри. – Но они меня кормили. Иногда.

– Они тебя содержали, Гарри. Как собаку, которую жалко выгнать, но противно пускать в дом, – жестко поправила она. – Ты не знаешь, что такое семья. Ты знаешь, что такое «быть обязанным».

Гарри молчал. Она была по больному, но в этом не было желания унижить. Она вскрывала нарыв.

– А я знаю, – продолжила Салли. Её голос смягчился, стал глухим. – Я помню, как отец подбрасывал меня к потолку. Я помню запах маминых духов – лаванда и ваниль. Я помню, как мы пекли пироги на Зимний Покров. У меня было всё, Гарри. Любовь, тепло, безопасность.

Она отпустила его руку, но только для того, чтобы взять обеими своими ладонями его лицо.

– А потом пришла Чума. И я увидела, как те, кто меня любил, превратились в мясо, жаждущее моей плоти. Я убила их, Гарри. Своей рукой. Тем самым игрушечным мечом.

В её глазах стояли слезы, но она не плакала.

– Когда я осталась одна... мне было девять. Вокруг были руины Лордерона. Солдаты, мародеры, нежить. Я была маленькой, красивой девочкой в мире, где не было законов. Ты знаешь, что это значит?

Гарри похолодел. Он догадывался, но никогда не хотел думать об этом.

– Салли...

– Мне пришлось стать чудовищем, чтобы меня не сожрали, – она горько усмехнулась. – Я надела алое. Я взяла в руки Свет. Я научилась смотреть на мужчин так, чтобы они видели во мне не жертву, а свою погибель. Моя женственность стала моей броней, Гарри. Моей ловушкой. Я никогда ни о ком не заботилась. Я только защищала или карала.

Она провела ладонями по его щекам, спускаясь к шее.

– ...Я только защищала или карала, – повторила Салли, глядя ему в глаза. – Но ты... ты видел меня, когда я была ничем. Ты видел меня разбитой, жалкой, кричащей от боли. И ты не отвернулся. Ты отдал свою руку, чтобы вытащить меня.

Она сделала глубокий вдох, словно решаясь на прыжок в ледяную воду.

– Поэтому сейчас я хочу попробовать кое-что другое. Я хочу попробовать... беречь.

Она медленно подняла его правую руку – ту самую, со шрамом от пера Амбридж.

Гарри хотел было инстинктивно сжать кулак, спрятать уродливые белые буквы, но Салли не позволила. Её хватка была мягкой, но непреклонной.

Она склонилась над его ладонью. Её дыхание коснулось кожи.

А затем она прижалась губами к шраму.

Это был не поцелуй страсти. Это было благословение. Прикосновение святыни к ране. Её губы были теплыми и

мягкими, и Гарри почувствовал, как по его руке, по нервным окончаниям, прямо к сердцу бежит странная, щемящая волна тепла.

– Я не должен лгать, – прошептала она в его кожу, не отрываясь. – Ложь – это щит трусов. А эти шрамы... это доказательство того, что ты выстоял против тирании, даже когда был ребенком. Не прячь их от меня, Гарри. Для меня они красивее любых татуировок Алого Ордена.

Гарри стоял, не дыша. В горле встал ком. Он привык, что его жалеют (как миссис Уизли), им восхищаются (как фанаты) или его боятся. Но никто и никогда не целовал его старые шрамы с таким благоговением.

Салли выпрямилась. Её щеки слегка порозовели – впервые Гарри видел, чтобы Верховный Инквизитор смушалась.

Она отпустила его руку и деловито, чтобы скрыть неловкость, принялась поправлять воротник его пальто.

– И этот галстук, – проворчала она, разглаживая складки на его груди. – Кто тебя учил его завязывать? Гоблин в темноте?

– Я сам учился, – хрипло ответил Гарри. – Перед зеркалом.

– Видно, – она перевязала узел одним быстрым, отточенным движением. – В следующий раз попроси меня. Я умею завязывать узлы. И развязывать тоже.

Она отступила на шаг, критически осматривая его с головы до ног.

– Вот так. Теперь ты похож не на беглого каторжника, а на мужчину, с которым не стыдно появиться в обществе.

– Спасибо, – тихо сказал Гарри.

Салли встретила с ним взглядом. В её рубиновых глазах больше не было льда. Там было что-то новое. Тихое. Домашнее.

– У нас нет Дурслей, Гарри. И у меня нет родителей, которых можно воскресить. Но у нас есть этот странный, пыльный дом. И у нас есть мы. Может быть... этого достаточно для начала?

Гарри шагнул к ней и, повинаясь внезапному порыву, обнял её. Крепко, обеими руками.

Салли замерла на секунду, а потом обняла его в ответ, уткнувшись носом в его плечо.

– Этого более чем достаточно, – прошептал он.

Они стояли так минуту, слушая тишину дома. Тишину, которая перестала быть враждебной.

Потом Салли мягко отстранилась.

– Нам пора. Хогвартс ждет. И если верить Кингсли, он ждет нас не с пирогами.

Она подхватила свой саквояж (тоже расширенный магией, куда, Гарри подозревал, она упаковала половину запасов шампуня и, возможно, фен).

– Идем, Поттер. Покажи мне школу, где учат героев.

Они не поехали на поезде. «Консультанты» прибывали

иным путем.

Гарри и Салли трансгрессировали к воротам Хогвартса.

День был пасмурным. Низкие серые тучи цеплялись за шпиль замка, делая его похожим на гравюру из старой книги сказок. Ветер гнал пожухлую листву по дороге к Хогсмиду.

Гарри вдохнул воздух. Он ожидал почувствовать привычный запах – озера, сосен, дыма из хижины Хагрида.

Но воздух был стерильным.

Салли, стоявшая рядом, мгновенно напряглась. Её рука легла на навершие трости (она замаскировала свой Посох под элегантную трость, чтобы не привлекать внимания студентов раньше времени).

– Здесь тихо, – сказала она. – Слишком тихо.

– Это Хогвартс, Салли. Здесь всегда...

– Нет, – перебила она. – Я слышу лес. Точнее, я его не слышу.

Гарри прислушался.

Она была права. Запретный Лес, который начинался сразу за воротами, молчал. Не было криков птиц. Не было треска веток под копытами кентавров. Не было даже шелеста листьев.

Лес стоял как нарисованный. Серая, неподвижная стена деревьев.

– Кингсли говорил, что кентавры ушли, – напомнил Гарри, чувствуя, как внутри просыпается тревога. – Но чтобы птицы...

Они подошли к воротам. Кованные вевери на столбах выглядели тусклыми, металл потемнел, словно покрылся патиной времени за пару недель.

Ворота открылись сами, но без привычного скрипа. Беззвучно.

На аллее, ведущей к замку, их встречала фигура.

Минерва Макгонагалл.

Она постарела. Гарри видел её год назад, на годовщине Битвы, и тогда она выглядела бодрой. Сейчас же она опиралась на трость, её лицо осунулось, а в глазах, всегда строгих и ясных, читалась глубокая, затаенная усталость.

– Мистер Поттер, – её голос был сухим, как осенний лист. – И... мисс Вайтмейн, я полагаю?

– Директор, – Гарри кивнул. – Рад вас видеть.

– Взаимно, Поттер. Хотя обстоятельства нашей встречи оставляют желать лучшего, – Макгонагалл перевела взгляд на Салли. – Министр Шеклболт прислал мне ваше досье. Весьма... интригующее чтение. «Специалист по экзистенциальным угрозам».

– Можно просто «Инквизитор», – Салли сделала легкий книксен. Идеально выверенный, аристократичный, но с ноткой стали. – Ваш замок болен, мадам Директор. Я чувствую лихорадку камня даже отсюда.

Макгонагалл поджала губы.

– Вы проницательны. Идемте. Разговор не для улицы. У стен теперь тоже есть уши, и не все они принадлежат замку.

Они двинулись к главному входу.

Пока они шли, Гарри заметил студентов, гуляющих у озера. Они выглядели... нормальными. Смеялись, кидали камешки в воду. Но было в этом что-то неестественное. Словно они играли роль счастливых детей в пьесе, где режиссер забыл включить звук. Их смех не долетал до аллеи.

– Барьер? – тихо спросил Гарри.

– Изоляция, – так же тихо ответила Салли. – Кто-то накрыл это место колпаком. Звук гаснет. Эмоции притупляются. Это магия подавления воли, Гарри. Тонкая, почти незаметная.

Они вошли в Большой Зал.

Здесь всё было по-прежнему: свечи, столы, гербы факультетов. Но потолок...

Волшебный потолок, который всегда отражал небо, был затянут плотной, серой пеленой. Ни облаков, ни солнца, ни звезд. Просто серый бетон.

– Потолок «ослеп» неделю назад, – сказала Макгонагалл, заметив взгляд Гарри. – Мы пытались обновить чары. Бесполезно. Небо нас не видит.

Она привела их не в свой кабинет, а в небольшую учительскую за залом. Здесь горел камин, и на столе стоял чай.

– Садитесь, – Макгонагалл устало опустилась в кресло. – Я буду кратка. Кингсли считает, что угроза исходит из Леса. Я считаю, что угроза уже внутри.

– Почему? – спросил Гарри.

– Сны, – ответила Минерва. – Студенты начали жаловаться на одинаковые сны. Им снится... музыка. Тихая, едва слышная мелодия, от которой хочется идти. Идти вниз.

– В подземелья? – уточнила Салли.

– Глубже. Туда, где даже слизеринцы не бывают.

Макгонагалл посмотрела на Салли.

– Вы ведь чувствуете это, мисс Вайтмейн? Вы... иная. Ваша магия резонирует с защитой замка, вызывая у неё зуд.

– Я чувствую, что под фундаментом вашей школы лежит что-то, что дышит в такт с этой музыкой, – прямо сказала Салли. – И это «что-то» просыпается.

– Дирижер, – вспомнил Гарри. – Харон говорил, что он только настраивал инструменты. Значит, оркестровая яма здесь.

Макгонагалл кивнула.

– Я выделила вам гостевые покои в башне Гриффиндора. Рядом с моим кабинетом. Официально вы – инспекторы от Попечительского Совета. Проверяете учебный план по защите от Темных Искусств.

– Иронично, – усмехнулся Гарри. – Учитывая, что ЗОТИ всегда была проклятой должностью.

– На этот раз проклята не должность, Поттер. Проклято место, – Макгонагалл встала. – Обед через час. Я представлю вас персоналу и студентам. И, Гарри...

Она посмотрела на него с неожиданной мягкостью.

– Я рада, что ты вернулся. Даже если ты привел с собой...

— она скосила глаза на Салли. — ...огонь. Возможно, именно огонь нам сейчас и нужен, чтобы разогнать этот туман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.